

Анна Данилова

Правда о первой ночи

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183836

Правда о первой ночи : Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-35491-7

Аннотация

Валентина готовилась к выпускному балу весь год. И вот теперь она танцевала, плакала и потихоньку сходила с ума от страха. Когда во двор интерната въезжала какая-нибудь машина, Вале казалось, что это приехали за ней. И ее на глазах у друзей и подруг увезут, как самую настоящую преступницу. Да, она совершила ошибку, попала в беду, которая гонит прочь из родной страны. Новая подруга Ева помогает девушке сбежать за границу, где та сталкивается с еще более тяжким испытанием...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	45
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	56
Глава 11	59
Глава 12	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Анна Данилова

Правда о первой ночи

Дорогой читатель Митес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое вечное счастье!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (фигура)

Глава 1

Если бы я только знала, как заведет меня эта ночь, как вскружит голову, точнее, снесет ее, и она, шальная, покатится по свежей июньской траве, оставляя оранжевый след от губной помады...

Выпускной... Волшебное слово. Ядовитое слово. Я готовилась к этому вечеру весь год. Копила деньги на платье и туфли. И вот я танцую, но не с парнем, который сходит по мне с ума, он тоже наш, интернатовский, а с этой девицей, ее зовут Ева, я прилепилась к ней, к Еве, которую и знаю-то от силы неделю. Но это с ней я пью шампанское и хохочу во все горло. Но даже она, моя новая подруга, не знает, что творится в моей душе, и как мне холодно, плохо, как меня тошнит при мысли, что всего в нескольких сотнях метрах отсюда, от танцевальной площадки, залитой праздничными огнями и увешанной синими воздушными шарами... Нет, я не должна думать об этом, потому что существуют только эта танцевальная площадка и лица моих одноклассников, веселые и немного грустные, потому что мы расстаемся и один бог знает, увидимся ли когда-нибудь еще. Мне бы только дождаться этого благословенного часа, когда я смогу выпорхнуть из этих стен и улететь куда-нибудь очень далеко, чтобы меня никогда и никто не нашел... Ева смотрит на меня, а у самой глаза на мокром месте, может, вспомнила свой выпускной.

Она старше меня, но все мальчишки наши смотрят на нее жадно, с восхищением, а девчонки злятся, что я привела на наш вечер чужачку, да к тому же еще и хорошо одетую, с пышным бюстом и тонкой талией, с умопомрачительными ногами, как у Николь Кидман, словно я предала их, своих девчонок в дешевых турецких платьях и китайских туфлях, все с базара, со слабыми швами и непрочной краской, с осыпающимися стразами. Но я не могла не пригласить ее, я чувала в ней родственную душу, такую же одинокую и страдающую, но только чуть посильнее, поопытнее, поумнее...

Так думала я, кружась под музыку и не сводя глаз с молчаливой и тоже не спускающей с меня взгляда Евы, в то время как Миша, мой одноклассник, поклонник и верный друг, влюбленный в меня и мечтающий на мне когда-нибудь жениться, обаятельный нежный блондин с повадками молодого зверя, еще не до конца осознавшего свою силу, а оттого немного неуверенный, неловкий, тоже смотрел и на меня, и на нее и никак не мог понять, откуда она взялась в моей жизни и как получилось, что я пригласила ее на свой выпускной. Ревность горела в его глазах. А я все продолжала танцевать, и мне жутко хотелось плакать. Музыка окончательно расслабила меня. Ева отвела меня в сторонку, достала из сумочки платок и сказала, чтобы я высморкалась.

– Кто тот парень, который не сводит с тебя глаз? – спросила она, бросая недоверчивые взгляды в сторону Миши.

– Его зовут Миша, мы с ним ходим в кино и гуляем по

набережной. Он любит меня, а я никого не люблю. И вообще, мне нужно уехать... – неожиданно всхлипнула я. Шампанское делало свое дело. Конечно, она, моя новая знакомая, ничего не поняла. И слава богу.

– И куда ты собралась? Уже решила? – серьезно спрашивала меня Ева, ухаживая за мной, как за маленькой. А у самой глаза тоже были грустные и, как мне тогда казалось, полные слез, у нее что-то случилось, но она пока не хотела мне говорить. Мы с ней потому, я думаю, так быстро и сошлись, что нам было от чего плакать, и, хотя у каждой имелась своя причина, нас притягивало друг к дружке, потому что она была одна и я – тоже...

– В Москву, – сквозь слезы прошептала я, позволяя ей промокать платком мои глаза.

– А что у тебя там?

– Мать, – зло отрезала я. – Она там живет.

– Ты же говорила, что у тебя никого нет. – Ева не смотрела мне в глаза, она продолжала вытирать мне слезы платком, заставляла меня снова и снова сморкаться, как будто это было куда важнее моей пропащей, иначе и не назовешь, матери.

– Вот я и хочу ее спросить, почему это нет, когда она есть и, говорю же, живет в Москве, катается в метро...

Вот уж поистине шампанское превращало мои мозги в мякину, я несла полную чушь, зачем-то вспомнила метро, как будто кататься на метро было преступлением или непозволительной роскошью.

– Ты ее видела? – сухо спросила меня Ева, одергивая на мне платье и осматривая меня с головы до ног, словно решая, отпустить меня танцевать в таком виде или нет, достаточно ли я прилично выгляжу для этого.

– Если бы увидела – плюнула бы ей в лицо, – заносчиво бросила я, повторяя уже в который раз за всю свою недолгую жизнь эту хлесткую, грубую фразу, за которой стоял совершенно другой, противоположный смысл, но это знают лишь наши, интернатские, особенно полные сироты. Да я на все была готова, чтобы только увидеть свою где-то там далеко живущую загадочную мать, женщину, родившую и по неизвестной мне причине бросившую меня в младенческом возрасте. Мать. Слово, заставляющее колотиться одинокие сердца. – Убила бы на месте.

– Она бросила тебя?

– Да. Мне было три года. Принесла в детский дом, сказала, что нет средств к существованию, что она болеет, что живет на лекарствах... Так все говорят... Избавилась, короче, от меня.

– Откуда ты все это знаешь?

– От одной воспитательницы из детского дома. Но какое это имеет значение сейчас?! – Глаза мои снова стали наполняться слезами. Ева, поняв свою ошибку, опять протянула мне платок.

– Прости меня, Валечка, у меня самой сердце разрывается...

– А у тебя-то что?

Вокруг гремела музыка, визжали перепившиеся выпускники, кого-то за деревом выворачивало наизнанку...

Ева, натуральная блондинка с зелеными, удлинённой формы глазами, смотрела куда-то мимо меня, в пространство и горько усмехалась каким-то своим мучительным мыслям. Узкое темное платье с большим вырезом, не достигающее до колен, остроносые туфли, копна длинных, густых, сверкающих при электрическом свете светлых волос... И такая красивая девушка – моя подруга.

Глава 2

Мы познакомились в кафе – открытом, с белыми столиками под красными веселыми полотняными зонтами – напротив интерната, куда она приходила почти каждый день выпить кофе с молоком. В дождь ли, в самое пекло садилась за один и тот же столик, доставала из сумки блокнот и что-то там писала, попивая кофе. Был май, я готовилась к экзаменам, сидя на подоконнике нашей спальни, откуда просматривались и это летнее кафе, и небольшой сквер, усаженный цветами, маленький базар, где торговали зеленью и свежей речной рыбой, а также часть трамвайной линии и оживленной дороги... Мне хотелось бросить к чертям собачьим учебники и окунуться в эту майскую теплынь, смешаться с теми, кто спокойно, не думая ни о каких экзаменах и тем более о своем будущем, покупал черешню и ранние помидоры, еще живых зеркальных карпов, золотистых лещей и свежий хлеб. Мне казалось, что только я да мои одноклассники, измученные напряженным годом учебы и подготовкой к выпускным экзаменам, живут в таком унынии и тоске. Сплошные занятия, разговоры о предстоящих экзаменах, горы прочитанных книг и мельканье одних и тех же лиц преподавателей плюс нервное истощение, авитаминоз, и за всем этим – туманное будущее... Кому понравится такая жизнь? Изодня в день я следила за этой девушкой из кафе и рисовала

в своем воображении ее жизнь. Конечно, у нее есть семья, родители, своя комната с чистой постелью и кружевными занавесками на окне, книжный шкаф и гардероб, где лежат ее аккуратно сложенные вещи, белье, а на плечиках выстроились в ряд курточки, плащ, шубка... Есть и туалетный столик с зеркалом, где стоят флаконы с духами и баночки с кремами. Под кроватью – мягкие домашние туфли. А в ванной комнате висит ее длинный махровый халат, в который она заворачивается после душа. Утром она завтракает вместе с родителями, мама ставит перед ней чашку какао и тарелку с яичницей или бутербродами, обедает она, скорее всего, в университете, который, судя по возрасту (я чувствовала, что она старше меня лет на пять, если не больше), заканчивает, а ужинает в компании друзей в каком-нибудь модном кафе или дома, опять же вместе с родителями... В квартире тихо (не то что в общежитии интерната, где всегда шумно, суетно и беспокойно, где пахнет туалетом и хлоркой, а еще сыростью и плесенью, потому что стены многих спален и умывальных комнат в грибке). После ужина отец ее смотрит футбол перед телевизором, а мама гладит... Пахнет свежeweыглаженным бельем, какой-нибудь домашней выпечкой или просто чистотой. Все так просто и приятно, что хочется завить от невозможности примерить и на себя эту налаженную семейную жизнь, когда ты постоянно чувствуешь, что о тебе заботятся и что твое будущее зависит не только от тебя, но и от тех, кто окружает тебя и хочет тебе лишь добра.

Одного не понимала я – что делает эта девица здесь, в кафе, каждый день появляясь примерно в одно и то же время, после трех? Пьет кофе, это ясно, я сама нарочно зашла в это кафе и села за соседний с ней столик, чтобы получше рассмотреть и ее, и то, что она пьет. Кофе с молоком. Неплохо. Это не джин с тоником, не виски со льдом и не водка... Она курила, и мне тоже хотелось закурить. Она что-то записывала в своем блокноте, и мне тоже хотелось, чтобы и у меня был блокнот и, главное, было бы, что в него записать. Какие-то расчеты? Заметки? Мысли? Что? Я приходила в кафе пару раз специально, чтобы увидеться с ней, точнее, увидеть эту девушку, рассмотреть хотя бы издали ее джинсы и блузку, сандалии и сумочку, сколотые на затылке густые светлые волосы, нежный профиль, розовые губы и, потянув носом, услышать аромат ее кожи или духов... Она была из другой жизни, и я ей откровенно завидовала. И вдруг произошло то, на что я и не рассчитывала, – незнакомка, обернувшись ко мне, попросила у меня зажигалку. Я протянула ей вместо зажигалки пачку сигарет, и мы обе рассмеялись. Извинившись, я дала ей свою зажигалку, она поблагодарила меня и пригласила за свой столик. И я сразу же, словно боясь, что вот сейчас она закурит и уйдет, бросив меня вместе с теми вопросами, которые не давали мне покоя и за которыми крылась мечта познакомиться с ней, выдала ей все, что накопилось во мне, призналась, что давно наблюдаю за ней из окна интерната, даже показала ей окно нашей спальни, все-

все, ничего не скрывая...

— Я видела тебя в окне и сразу поняла, что ты готовишься к экзаменам, — улыбнулась она, показывая мелкие белые зубы.

— Как это можно вот так сразу понять? — удивилась я, радуясь тому, что она поддержала мой разговор.

— Да у тебя был такой откровенно скучающий вид, что сразу ясно — девочка что-то зубрит, готовится к экзаменам, не знаю, поняла и все...

Ее звали Ева.

— А меня — Валентина, — счастливо вздохнула я, представляя себе, как мы и дальше будем встречаться, разговаривать, как она однажды решит познакомить меня со своими подругами и введет в свою, отличную от моей жизнь.

— Очень красивое имя. Прозрачное, я бы сказала, — произнесла она, и щеки ее почему-то порозовели.

— Почему ты выбрала именно это кафе и что ты пишешь в своем блокноте? — задала я два самых важных для себя вопроса.

— Что я делаю в этом кафе? — Она вздохнула с какой-то печальной улыбкой и развела руками. — Я поджидаю возвращения одного парня, мы с ним договорились, что я буду ждать его здесь каждый день в половине четвертого... А в блокнот я записываю стихи...

— Ты пишешь стихи?

Я вдруг увидела у нее чуть повыше левой скулы едва заметный бледный шрамик.

– Хотя это трудно назвать стихами... Так, мысли, чувства... Но вообще-то это белые стихи, то есть без рифмы...

– Ты мне когда-нибудь считаешь их?

– Конечно, – просто ответила она. – А ты мне нравишься. Нет, правда, – она улыбнулась такой улыбкой, что мне захотелось почему-то заплакать. Нервы, что ли, не в порядке? – Ты такая простая, в хорошем смысле, конечно... Говоришь искренне, мне нравятся такие люди. Только не переживай так из-за экзаменов, все это ерунда, сдашь, в интернате тебя не оставят, ты пойми их, преподавателей, твой несданный экзамен – это их экзамен, это означает, что они должны расписаться в своем непрофессионализме. Они такого не допустят. Смотри на это дело веселее...

– А ты тоже учишься?

– Уже окончила. Три года тому назад биофак нашего университета. Теперь вот работаю там же, на кафедре, собираюсь учиться дальше...

– И сколько же тебе лет?

– Да я уже старая, мне двадцать пять, – улыбнулась она и потрепала меня по плечу. – У меня уже и морщинки вокруг глаз... Никакие кремы не помогают... – И вздохнула. Такая милая!

Она тоже оказалась простая, с ней было легко. Двадцать пять лет. Ева явно наговаривала на себя – я лично не заметила ни одной, ну разве что несколько маленьких, едва заметных мимических морщинок в уголках длинных, похожих на

аквариумных рыбок глаз. Вообще-то мне всегда стыдно говорить, что я интернатская, это как если признаться, что ты – человек второго или третьего сорта, но Ева отнеслась к этому с пониманием и попросила меня рассказать о моей жизни все: о том, как мы живем, чем занимаемся в свободное время, чем нас кормят, сколько денег дают на карманные расходы, можно ли задержаться и опоздать вечером и что за это будет, какое наказание, кто наши воспитатели, хорошо ли к нам относятся... Я рассказывала ей об этом два дня подряд, встречаясь с моей новой знакомой в кафе и заказывая себе то же, что и она, – кофе с молоком. А потом она почитала мне свои стихи. Правда, очень странные стихи, без рифмы, но очень красивые.

Над головой несутся тучи фиолетовые,
Косые тени касаются моего лица.
Белая сирень стучится в мое окно,
Я распахиваю его.
В зеркале отражается пасмурное небо,
Мои духи пахнут мокрой травой и сладкой сиренью...

А потом случилось то, что случилось. Я не появлялась в кафе два дня и даже не подходила к окну в спальне. Лежала на кровати, прикрывшись учебником, и, почти ослепшая от слез, пыталась понять, что же произошло и как мне жить дальше. История со знакомством показалась мне не столь уж и значительной. Так, удовлетворила свое любопытство и

довольно. Но уже на третий день, немного поуспокоившись, точнее, заставив себя не думать о том, как изменилась моя жизнь, я появилась в кафе и снова встретила там Еву.

Глава 3

Она очень обрадовалась моему приходу, не стала расспрашивать, почему меня не было два дня, видимо, поняла, что если я захочу, то расскажу сама, но очень осторожно, боясь обидеть меня, интернатскую, предложила угостить меня ужином. Но мне тогда было не до обид. Во-первых, хотелось есть, а денег не было, а столовская еда в последнее время стала вызывать отвращение и изжогу. Во-вторых, что-то сломалось во мне, и я перестала обращать внимание на некоторые вещи. Было и еще одно, то самое, что не давало мне покоя и заставляло меня не доверять людям, даже таким, как Ева. Мне казалось, что ей что-то от меня нужно. Ну не верила я в то, что она с такой готовностью откликнулась на мое желание познакомиться, подружиться с ней и в этом нет корысти. Словом, я согласилась поужинать за ее счет и заказала спагетти с креветками, она тоже взяла себе спагетти, нам принесли холодное белое вино, и я с удовольствием выпила два бокала. Расхрабрившись и глядя прямо в ее розовое лицо (все посетители под красными зонтами в тот солнечный день были розовыми), я спросила:

– Тебе что-нибудь нужно от меня?

И она тотчас, нисколько не задумываясь, ответила:

– Да, очень нужно. – Потом протянула руку и положила на мою: – Побудь еще немного со мной, не бросай меня, мне

так плохо...

Господи, подумала я, это ей-то плохо, а что же тогда делать мне со своими проблемами и невозможностью их разрешить? Ей плохо... Знала бы она, каково мне... Но мне было приятно, что во мне кто-то нуждается и просит, чтобы я побыла рядом.

– Это из-за того парня?

Она молча кивнула, и я увидела, как блеснули в ее глазах слезы.

– Он так и не появился?

– И он не появился, и ты куда-то исчезла, я не видела тебя в окне твоей спальни. Хотела даже отправиться на твои поиски, думаю, вдруг с моей Валентиной что-то случилось... Что с тобой было? Почему ты не приходила? Почему бросила меня?

Я ее бросила? Но кто я ей такая, чтобы бросать ее или не бросать?

Я не ответила, не собралась с мыслями.

– Думаю, что он вообще никогда больше не придет, – между тем добавила она с какой-то безумной улыбкой, и мне стало страшно за нее.

Оказывается, и у таких девушек бывают серьезные проблемы. И тогда уже ничто не имеет значения – ни то, что у тебя есть семья, деньги, хорошая работа или перспективы на будущее... Мужчины. Любовь. Все это было мне незнакомо. Я целовалась несколько раз с Мишей, мы даже пробовали

зайти чуть дальше, но в последний миг я передумала, испугалась и убежала... Ничего, кроме страха, я тогда к нему не испытывала. Не думаю, что, когда люди любят друг друга, они должны чего-то бояться. Это был просто опыт, попытка перейти грань, которая разделяет нас, подростков, как мне тогда казалось, от взрослой, полной тайн жизни. Но ни Миша, ни я – мы оба не справились с этим. Думаю, я до конца своей жизни буду помнить тот горьковатый пыльный запах библиотеки, куда мы забрались однажды ночью, чтобы нацеловаться вдоволь, а потом, раздевшись и прильнув друг к другу, вдруг испытать то острое и жгучее чувство, которое придаст уверенности ему и испугает меня... Миша, которого я знала столько лет, мальчишка, которого я видела каждый день и так привыкла к нему, что иногда просто не замечала, тогда, в библиотеке, предстал передо мной совершенно другим; он разделся, и при свете уличного фонаря, что бил в узкое окно, освещая стеллажи с книгами и часть стола (на котором сидела я, полуодетая, и изнемогала от стыда и непонятного мне чувства чего-то несовершенного, как если бы я глубоко вздохнула и долго не могла выдохнуть), я увидела красивое сильное тело, переливающуюся на свету влажную кожу, издающую слабый, незнакомый мне до этого запах мужчины, увидела темный, заросший густыми волосами пах, а еще ниже – то, что, вместо того чтобы заставить меня отвернуться, побудило меня не отрываясь смотреть... Я все понимала, все знала, но ничего не могла с собой поде-

лать. Мне не хотелось, чтобы моим первым мужчиной был тот, кто никогда не станет моей любовью. И уступать Мише по дружбе или тем более из жалости я тоже не могла. Я соскользнула со стола, оказавшись в его объятиях, ощутила, как что-то горячее коснулось моих сомкнутых бедер, и после этого я уже не помнила себя... Оделась кое-как и выскочила из библиотеки, неслась как сумасшедшая по этажам, чувствуя, как ухает где-то в горле мое сердце, а щеки, словно с содранной кожей, горят, пылают... Мой светловолосый дружок, мой повзрослевший паж, мой вечный телохранитель остался там, в темной и пустой библиотеке, наедине со своим отчаянием, болью и тем, что умело так нежно касаться девичьих бедер... На следующее утро, улучив момент, я успела попросить у него прощения и даже поцеловать в висок... Он снова стал моим прежним Мишей, таким, каким я воспринимала его до библиотеки... Быть может, именно эта сцена, эта чистота наших отношений и моя неготовность начать вести взрослую жизнь и вынудили меня совершить настоящее убийство?.. Из интерната – в тюрьму? Ну уж нет... Я поклялась себе еще там, в той полутемной и очень тихой комнате, исчезнуть, раствориться, но не дать себя схватить...

– Думаю, что он вообще никогда больше не придет...

Я очнулась от воспоминаний, вернулась в кафе и, окунувшись в его розовые тени, вновь увидела перед собой погрузневшее лицо Евы.

– Тебе плохо?

– Если ты никогда не любила, то вряд ли это поймешь.

– Ева, эта фраза из французского фильма о любви? – Я попробовала пошутить, и она поддержала это мое настроение.

– Действительно, все так смешно и нелепо...

– Кто он такой и почему ты так расстраиваешься, что он не придет? Подумаешь, не придет! Вокруг так много мужчин, а ты такая красивая девушка...

– Ты права, конечно, все это ерунда.. – Она смахнула слезы. – Представляю, как же глупо я выглядела все эти дни, когда приходила сюда. Ты бы почитала мои стихи, которые я посвящала ему и которые сами ложились на бумагу... Одни причитания... То, что я тебе прочитала, – самое невинное, нейтральное... Да что это я все про себя да про себя. У тебя-то как? Ты мне так и не ответила, куда пропала?

– Экзамены сдавала, – ответила я ей чистую правду. – Завтра последний, а через два дня – выпускной.

– Выпускной, – мечтательно повторила она. – У тебя, наверное, и платье есть...

– Есть. У меня все есть, кроме настроения.

– Что-то мы с тобой раскисли... А хочешь, поедem сейчас на дискотеку? Потанцуем, расслабимся... Допивай свое вино, и поехали. Нечего киснуть... К черту всех парней, которые не являются в половине четвертого.

– К черту.

– Ты пригласишь меня на свой выпускной? Или у тебя уже

есть приглашенные – какие-нибудь тетушки, сестры, родственники, может, отец?

Я сказала, что у меня, кроме нее, Евы, никого нет.

Мы вспорхнули, Ева остановила машину, и мы поехали... Было рано для дискотек, она пригласила меня к себе домой. Сказала, что у нее своя квартира, которую ей купили родители, и что она с удовольствием покажет мне ее. Машина остановилась возле нового кирпичного дома, расположенного неподалеку от центрального рынка, мы поднялись на лифте на третий этаж, Ева (благословенный момент!) достала из сумочки связку ключей и принялась отпирать двери... Когда же и у меня будут такая связка, и дверь, и квартира?.. Должно быть, никогда.

– Проходи.

Да, именно такой я и представляла квартиру, в которой должна жить девушка, похожая на Еву. В спальне – широкая, с высокой полированной, темного дерева спинкой кровать, застеленная толстым красным покрывалом, зеркало в такой же деревянной раме, шкаф. Кухня соединена с большой комнатой, и все зеленое – и мебель, и скатерть на круглом столе, и даже ваза на полу зеленая, с единственной полураспустившейся желтой розой... На окнах белая занавеска из тюля.

Ева усадила меня на зеленый диван и принялась варить кофе... Она предложила мне выпить – коньяк, водку или вино, – но я отказалась. Боялась, что выпью и расскажу ей все-все... Этого не было! Не было!

– Чего не было? – вдруг спросила она меня с улыбкой, и я с ужасом поняла, что произнесла это вслух.

– Не было тех тяжелых лет в интернате... Я тоже когда-нибудь буду жить в такой квартире, сидеть на таком вот диване...

– Да ты уже сидишь... – Она похлопала меня по плечу. – Успокойся, ты еще очень молода, у тебя все впереди...

– У меня впереди какое-нибудь училище и работа маникюршей, – хмуро заметила я. – А еще муж-алкоголик и голодные дети... Так живут почти все наши...

– А у тебя все сложится иначе. Ты красивая девочка, может, в тебя влюбится хороший парень, ты выйдешь за него замуж, и у тебя будет все-все...

Слезы подступали, не хватало дыхания, еще немного, и я расскажу ей все... Но не могу. Ведь я же совсем не знаю ее.

– Мне пора домой... Я хотела сказать, в интернат...

– У тебя нет парня? – Ева поставила передо мной чашечку с кофе и тарелку с печеньем.

– Можно сказать, что нет... Есть один друг, но это не то... Ты понимаешь?

– Конечно. Друг – это друг. Я имела в виду парня, в которого ты влюблена.

– Нет, такого нет.

– Знаешь, это даже хорошо. Так спокойнее... А у меня вот был. Но я постараюсь о нем забыть.

– И в кафе не будешь приходить?

– Нет. Разве что для встречи с тобой.

– Но зачем тебе я?

– А зачем люди вообще друг другу? Поговорить, ты расскажешь мне что-то о себе, я почитаю тебе стихи...

– У тебя нет подруг, которым ты хотела бы почитать стихи?

– Есть, конечно. Но ты из них – самая интересная, самая честная и не выделяешься. Мне с тобой хорошо. Так ты пригласишь меня к себе на выпускной?

– Я буду рада, если ты придешь... Только предупреждаю сразу: церемония вручения аттестатов – самая нудная и долгая вещь на свете... Я была в прошлом году, видела... Лучше приходи не к восьми, а часам к десяти, когда будут накрыты столы, начнутся танцы, словом, неофициальная часть...

Но она пришла к восьми, принесла камеру и снимала весь вечер меня, моих друзей, момент вручения мне аттестата, а еще подарила букет цветов и мобильный телефон. Это был подарок, о котором я и не смела мечтать, хотя знала, предполагала, что Ева подарит мне какую-нибудь приятную мелочь в честь окончания школы... Я была так счастлива, так счастлива, все девчонки смотрели на меня и спрашивали взглядами: «Кто она такая? А ты знаешь, сколько стоит букет, который она тебе подарила? Теперь у тебя есть мобильник?»

И я танцевала, плакала и потихоньку сходила с ума от

страха. Когда во двор интерната въезжала какая-нибудь машина, мне казалось, что это милиция, что приехали за мной, что меня сейчас на глазах у всех моих одноклассников, вернее уже выпускников, моих друзей и подруг, на глазах Евы (!) повяжут и увезут, как самую настоящую преступницу... Я совершила ошибку. Нет, я совершила множество ошибок, и, если бы у меня тогда был телефон, я позвонила бы Еве и все рассказала, может, она и посоветовала бы мне, что делать, как действовать, куда бежать, кого звать на помощь... А теперь поздно. Я не такая уж и глупая, я понимаю, что опоздала... Зато хоть Мишухватило ума не втянуть...

Ева, как маленькую, подвела меня к столу с остатками пиршества. Белые скатерти были залиты вином, за букетами пионов не видно закусок...

— На вот, куриная ножка, садись, ешь, я тебе сейчас в другую тарелку положу салата, колбаски... ешь, моя хорошая, не плачь... Это на тебя так шампанское действует или ты еще чего выпила? Думаю, твои подружки плеснули тебе в бокал водки, иначе бы тебя так не развезло... Ешь, Валечка, ешь, дорогая, посмотри, как хорошо кругом, как весело, как танцуют твои друзья, как красиво... эти шары, эти цветы, ваши воспитатели постарались на славу, не держи на них зла, пойми их, они хоть и привязаны к вам, но не родители, у них другое отношение, но все равно, как они будут рады, когда вы пришлете им письмо или открытку, поздравите с Новым

годом или днем рождения! Ешь, вот клубника... Или нет, у тебя от нее заболит живот... Ешь мясо, хлеб и не реви... Это нервы, это ты никак не можешь привыкнуть к мысли, что у тебя теперь нет дома... Где ты будешь жить?

– В какой-то комнате, в общежитии, десять комнат и один душ, – бормотала я, глотая отбивную вместе со слезами.

– Ты была там, видела?

– Нет, я боюсь, мне страшно... Мне надо уехать из города и найти мать.

– Хорошо, мы найдем ее, не переживай и вообще не разговаривай, а то подавишься еще, не дай бог...

– Все наши парни смотрят на тебя... – вдруг сказала я, поймав взгляд одного из своих одноклассников, он, пьяный, стоял напротив нас и не сводил глаз с Евы. – Может, потанцуешь с ним?

– Я ему в матери гожусь, – отмахнулась она и тоже сделала себе бутерброд. – Что-то и я проголодалась... Может, я и потанцевала бы, если бы у тебя так не испортилось настроение... Что с тобой? Не бойся! Ты молодая, здоровая...

Я выпрямилась на скамейке с яблоком в руке, посмотрела на Еву внимательно:

– Скажи, что ты носишься со мной? Жалеешь? Или тебе все-таки нужно что-то от меня?

– Да, нужно, – сухо ответила она. – Ты pomoжешь мне в одном деле.

– Криминал? – усмехнулась я.

– Не так громко, Валечка. – Она схватила меня за руку. – Просто надо будет позвонить одному человеку, а затем встретиться с ним и передать одну вещь.

– И все?

– Все. Хотя нет. Он тоже должен тебе кое-что дать. И ты принесешь это мне. В клюве.

Я представила себе, как у меня вырос клюв, и рассмеялась. Я была совсем пьяна. Музыка оглушала, а слова Евы не произвели на меня никакого впечатления. Просто интересно, с какой стати мне кому-то звонить и что-то там передавать. Я спросила ее, почему эту ерунду не может сделать она сама.

– Наркотики?

Она замахала руками, мол, замолчи, не произноси такие вещи вслух!

– Но тогда почему, почему это не можешь сделать ты?

– Да потому. – Она склонилась к моему уху и сказала четко, по слогам: – Он думает, что меня нет, понимаешь?

– Нет...

– Ну и ладно... А тебе, я думаю, на сегодня развлечений хватит. – Она салфеткой вытерла мне рот и протянула бокал с соком. – Валя, мне думается, что тебе уже пора домой...

Домой...

Глава 4

Утром мне было плохо, я лежала на кровати в мягких белоснежных подушках и даже не могла порадоваться этому обстоятельству. Голова трещала, особенно раскалывался затылок, давило на лоб... Во рту был мерзкий привкус – должно быть, ночью меня вырвало. Открыв глаза, я увидела Еву. Она, в домашнем халатике, стояла передо мной и внимательно осматривала меня, как доктор тяжелобольного во время утреннего обхода.

– Твои дуры-одноклассницы напоили тебя ночью, добавили в твой бокал водки, вот ты сейчас и мучаешься. Хочешь пить?

Не то слово! Я готова была выпить целую речку! Озеро! Но Ева принесла коробку с холодным апельсиновым соком и бокал. Пока я пила, она продолжала внимательно смотреть на меня, словно собираясь мне сказать что-то очень важное.

– Ну что ты на меня так смотришь? – не выдержала я после первых глотков сока. – Я все помню. Мне надо позвонить какому-то мужику, встретиться с ним и что-то взять... Я все сделаю, не переживай, и даже не спрошу у тебя, кто он и что он мне даст. Это твое дело. И почему тебе нельзя идти с ним на встречу – тоже не спрошу. Если захочешь, расскажешь сама.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как если бы меня вывернули наизнанку, а потом забыли вернуть мне первоначальное положение... Холодно, и все болит.

– Сейчас примешь душ, потом мы с тобой выпьем кофе и только после этого обсудим детали... Пойми, все это очень важно для меня...

– Не переживай. И спасибо тебе за вчерашний вечер, что пришла и сняла все на камеру... Я же все помню. И за телефон спасибо. Только мне еще не скоро позвонят – некому... – Я пожала плечами и улыбнулась.

В ванной комнате, увидев себя в зеркале, я застонала – опухшее лицо, мешки под глазами... Все это результат моего ночного или уже утреннего бдения над унитазом... Я выглядела так, словно меня били по лицу... И в таком-то виде идти на свидание с ее знакомым? Мои волосы, еще вчера уложенные в прическу, торчали в разные стороны. А ведь я заплатила за стрижку триста рублей!

Ева встретила меня после душа улыбкой:

– Что, не очень-то хорошо выглядишь? Не переживай. Волосы твои сейчас быстро высохнут, даже укладывать не будем, у тебя приличная стрижка, а вот на лицо наложим немного крем-пудры, чтобы замаскировать лопнувшие сосудики... В следующий раз будешь думать, прежде чем напиваться...

Мы пили кофе, курили, и Ева вводила меня в курс дела:

– Во-первых, выкинь из головы, что моя просьба содер-

жит в себе элемент криминала. Это не так. Просто человек, с которым ты должна встретиться, не должен видеть меня. Для него я, как бы это помягче выразиться... умерла. Но он очень ждет ту вещь, которую ты ему принесешь. Я даже могу сказать тебе, что это такое, – часы. Старинные часы. Это старая история, и тебе совершенно необязательно ее знать. Главное, что он должен заплатить тебе за них хорошие деньги.

– А если не заплатит? – занервничала я. – А ты будешь думать, будто это я не принесла тебе деньги...

– Нет, такие люди, как он, всегда платят, а что касается того, что подумаю о тебе я... Валечка, я бы ни за что не поручила тебе это деликатное дело, если бы хоть немного сомневалась в тебе, поняла? Поэтому допивай кофе и звони... Я даже наберу тебе номер... Как только услышишь мужской голос, сразу спроси Игоря Николаевича. И когда он ответит, скажешь ему, что та вещь, которую он купил в квартале Бай-азыт, в Стамбуле, находится у тебя, что тебя попросили передать ее ему, но цена в два раза больше. Запомнила?

Хоть у меня и болела голова, но запомнить такое показалось мне проще простого... Вот только турецкое название...

– Бай-а-зыт, – снова произнесла она по слогам. И я повторила следом. – А теперь соберись... – И она, удобно устроившись в кресле, положила на колени телефон и принялась набирать номер. Мы обе слышали длинные гудки, и я схватила трубку... Услышав мужской голос, я сказала все, что

положено, после чего немедленно получила ответ:

– Сегодня в четыре часа возле входа в театр драмы. Я буду ждать вас с красной книгой в руке.

– Договорились, – ответила я, и связь прервалась.

Ева сияла. Она схватила меня за руки и сжала их в радостном порыве. Ее светлые, зеленоватого оттенка глаза повлажнели.

– Ну вот и все! Дело сделано. Сегодня поедешь и встретишься с ним. А за это получишь свои проценты. А это, скажу я тебе, не так уж и мало... Но пока рано об этом говорить, надо все сделать так, как надо... Насколько я поняла, он принял решение моментально, словно ждал этого звонка, и даже не торговался...

– Ты меня об этом не предупреждала, – осторожно заметила я. – Я не была готова ни к каким торгам...

– Ничего... Просто я все правильно рассчитала. Прошло всего несколько месяцев, а он уже готов выложить за них вдвое больше.

– Что это за часы?

– Старинные, очень дорогие часы.

– А как они у тебя оказались?

Ева посмотрела на меня испытующим взглядом и покачала головой:

– Валя, тебе не надо больше ничего знать...

– Ты хочешь, чтобы я боялась тебя? Чтобы думала о тебе бог знает что? Разве мы не подруги?

– Я бы очень хотела, чтобы мы стали подругами, поверь, но есть такие вещи, о которых я бы не хотела говорить...

– Они ворованные?

– Да, – призналась она. – Но я к этому имею лишь косвенное отношение. Помнишь, я рассказывала тебе про парня, с которым мы должны были встретиться? Так вот, часы – это его работа. И он оставил их мне, подарил... Поэтому я могу делать с ними все, что угодно.

– А кто такой Игорь Николаевич?

– А это как раз тот человек, у которого эти часы и украли.

– Но... Стамбул...

– Он их купил в Стамбуле, а потом их у него украли...

Видишь, как все просто.

Я успокоилась, узнав, что Ева не имеет к краже старинных часов никакого отношения. Хотя, по правде говоря, мне было не очень-то приятно участвовать в этом деле. Я предпочла бы просто изредка встречаться с Евой, разговаривать, пить кофе... Эти часы... Почему она так быстро доверилась мне? Почему?

И вдруг меня пробрало. Я словно на какое-то время онемела и перестала соображать. То, от чего я бежала, о чем не хотела думать, сейчас настигло меня, и перед глазами возникло лицо человека, которого я убила... Всего три дня тому назад! Да и было ли это? Не приснилось ли мне?.. Высокий худощавый офицер, коротко стриженный, с тяжелыми веками, длинными руками и большими белыми ушами. Я виде-

ла его не первый раз, он сидел на скамейке напротив входа на территорию интерната и словно искал добычу... Когда я вышла, чтобы пересечь сквер и войти в булочную, находящуюся всего в нескольких метрах от его скамьи, он позвал меня... Не знаю, как так получилось, что я откликнулась и подошла к нему. Накрапывал дождь, сквер тонул в тумане, вокруг не было ни души. И я почему-то вспомнила Мишу, забитую пыльными книгами и нашим дыханием библиотеку и то странное чувство, которое охватило меня, когда я увидела моего друга на пике возбуждения... Может, я переутомилась, а может, мне захотелось в этот вечер отдохнуть, развеяться? Или я увидела в глазах этого немолодого уже офицера отражение своего одиночества? Не знаю... Когда идет дождь, а голова твоя переполнена никому не нужной мешаниной из цифр и слов, правил и формул, а впереди тебя ждет узкая мрачная комната общаги с продавленной кроватью и колченогим стулом возле ржавого умывальника, а еще дешевая парикмахерская с мутными зеркалами и почерневшей от влаги мебелью... Словом, я подошла к офицеру. Я, которая отказала чистому и влюбленному в меня Мише, решила пойти с этим незнакомым мне мужчиной, чтобы перед тем, как выйти из интерната, покинуть его стены, где я помнила себя еще ребенком и где моя одежда была пропитана запахом подгоревшего молока, успеть опуститься так низко, и чтобы мне было так гадко, чтобы та жизнь, что ждала меня впереди, показалась мне не такой уж и мрачной... Моя мечта о люб-

ви в тот вечер превратилась в грязь под ногами. Я же знала, что ее нет, так зачем же обманываться? Миша? Он забудет меня сразу же, как только встретит более сговорчивую девочку, а потом, быть может, и женится на ней... Не знаю, но Миша не смотрел на меня так, как этот офицер... Его взгляд остановился на моем лице и замер. Я поняла, что он немного пьян. Ровно настолько, чтобы прийти сюда, на эту скамейку, и ждать, что к нему подойдут и согласятся провести с ним остаток этого пасмурного дня...

...Я опомнилась, когда услышала голос Евы.

– Что с тобой? – Ее испуганное лицо возникло прямо передо мной, она заметно побледнела. – Ты что, потеряла сознание? Бедняга, да ты переутомила со своими экзаменами...

Я сказала, что все нормально. Хотела сказать, что зря она со мной связалась и что ее старинные часы – цветочки по сравнению с трупом, что я оставила той ночью, уползая в темноту, небытие, в дождь... Но вместо этого выдавила из себя улыбку. Кухня постепенно заполнялась прозрачным солнечным светом – день распушался, как пион...

– Хочешь – поспи, – предложила она. – До четырех времени еще много... А хочешь, устраивайся на диване перед телевизором, у меня отличная коллекция фильмов...

– А ты?

– Мне надо на рынок, купить что-нибудь, приготовить

обед...

— Ты ждешь кого-нибудь в гости? — вдруг, к своей досаде, догадалась я.

— Ты у меня в гостях. — Она провела ладонью по моей макушке. — Я бы очень хотела, чтобы ты подольше задержалась у меня, пожила бы в нормальных условиях, прежде чем отправишься в свое общежитие... И еще, возьми меня туда с собой, я хочу посмотреть на твое будущее жилище... Может, мы там сделаем ремонт, приведем в порядок, отмоем...

Она ушла, поцеловав меня на прощание, как старшая сестра. И если бы не тот офицер, с которым я согласилась тогда пойти, как я была бы счастлива, что повстречала в своей жизни такую чудесную девушку, Еву.

Глава 5

В три часа пополудни она вручила мне небольшой сверток, вызвала такси и отправила на встречу с Игорем Николаевичем. Без четверти четыре я уже стояла на ступенях театра драмы и поджидала человека с красной книгой в руках. Он появился из-за угла, высокий седой господин в сером костюме и бордовом кашне, прикрывавшем шею. Красная книга была зажата у него под мышкой. Я смело двинулась ему навстречу. Молча протянула ему легкий сверток, он, в свою очередь, достал из кармана свой и передал мне. Внимательно посмотрел на меня, затем, пробормотав: «Спасибо», повернулся на каблуках и быстрым шагом направился в ту сторону, откуда появился. Желтая машина ждала меня за углом. Водитель, увидев меня, как мне показалось, с облегчением вздохнул, я не обманула его, вернулась. И мы поехали домой. К Еве.

– Как прошла встреча? – спросила она меня с порога.

Я почувствовала, что она нервничает. Вместо ответа я отдала ей посылку от Игоря Николаевича. Ева прямо при мне содрала с нее скотч, развернула толстую коричневую бумагу, и я увидела аккуратно сложенные и упакованные в прозрачный полиэтиленовый пакет деньги. Красивые банкноты с искрящейся полоской сбоку... Целая пачка. Ева подмигнула мне:

– Теперь мы богатые.

Я пожала плечами, разговоры о деньгах были мне непривычны, я испытывала определенную неловкость за то, что теперь, когда дело сделано, да и какое там дело, так, пустяк, мне причитается вознаграждение. Я еще там, в такси, прижимая к груди сверточек с деньгами, дала себе слово, что откажусь от вознаграждения. Я же ничего, ну абсолютно ничего не сделала! А вот она, моя новая подруга, уже успела сделать для меня очень много. Одно ее присутствие на выпускном – настоящий праздник!

Ева сложила деньги в деревянную шкатулку и убрала в один из ящичков кухонного шкафа.

– Знаешь, мне пора в интернат, – сказала я, давая ей понять, что загостилась, что мне пора возвращаться в свою нору. – У тебя здесь хорошо, но это твоя жизнь, понимаешь? Я бы отдала половину жизни за то, чтобы пожить так, как ты...

Но я не успела договорить. Увидела, как глаза ее потемнели, а рот приоткрылся, ей словно не хватало слов... Наконец она сказала:

– Валя, никогда не говори так. Ты ничего, ну абсолютно ничего не знаешь о моей жизни. Понимаешь? И то внешнее, что ты сейчас видишь, еще ничего не значит. Когда–нибудь, быть может, я и расскажу тебе о себе, но пока еще рано...

– Ты не веришь мне?

– Дело не в этом. Просто всему свое время. И я бы не хотела, ох, как бы не хотела, чтобы ты повторила мой путь, что-

бы потом случилось то, что случилось... Ты слышишь меня?

— Мне пора, — твердила я, чувствуя, что мне не хочется покидать ее, не хочется выходить на улицу и шагать туда, где я уже никому не нужна, разве что для того, чтобы забрать какие-то документы да небольшой чемодан с вещами, которые теперь будут разложены в узком шкафу в общежитии...

— А как же обед? — Она схватила меня за руку. — Еще я обещала тебе дать денег... И вообще, куда ты пойдешь? Кто тебя ждет? Подожди, не торопись, твоя общага никуда от тебя не денется...

Казалось, и у нее дрожал голос, так она жалела меня, бедную интернатскую девчонку...

— У тебя своя жизнь, у меня — своя...

Мы стояли и смотрели друг на друга. У меня в глазах вместе со слезами застыл вопрос: что тебе еще надо от меня? Я ведь и так задержалась, я не хочу злоупотреблять твоим гостеприимством и добротой... А она словно хотела мне сказать: не оставляй меня, мне просто необходимо, чтобы кто-то побыл сейчас рядом, мне так плохо... Мы были нужны друг другу. Но разве можно было нам давать волю своим чувствам?

Я закрыла глаза, и передо мной возникло вытянутое, гладко выбритое лицо офицера, того самого, что позвал меня к себе тем дождливым вечером... Кадры немого кино замелькали перед моим внутренним взором, я перестала видеть Еву...

– Я живу тут, поблизости от твоего интерната... – говорил он спокойным монотонным голосом, да так, словно мы были уже знакомы и он в который уже раз уговаривает меня пойти с ним. – У меня сегодня день рождения, а я совсем один...

– А ваша жена? – спросила я скучающим тоном то, что непременно должна была спросить и чего он ждал от меня. Вопросы про жену – необходимая часть начала подобного разговора, когда немолодой и подвыпивший офицер клеит молоденькую интернатскую девчонку, уговаривая ее пойти с ним к нему домой, где никого нет, где тихо, чисто и есть сколько угодно горячей воды, а в кухне накрыт стол на двоих...

– Моя жена в Севастополе, у сестры...

– Она прислала вам открытку? Поздравила с днем рождения?

– Нет, она позвонила и поздравила меня. Да так ли это важно?

Нет, это было совсем не важно, особенно если учесть, что день рождения у него скорее всего зимой, а сейчас июнь...

– Я понимаю, что мое предложение может показаться тебе очень странным, но справлять день рождения в пустой квартире... – Он пожал плечами, почти не глядя на меня. Я молчала. И тогда он медленно повернул голову и принялся рассматривать меня. – У тебя скоро выпускной?

– Да, – кивнула я головой.

– Ну что, пойдём?

Я пожала плечами. Представила себе Еву, мою новую подругу, и спросила себя: а как бы она поступила на моем месте? Скорее всего, послала бы его к чертям собачьим. Но это Ева, у нее своя жизнь, а у меня – своя. И ее мужчины никогда не стали бы моими в силу многих обстоятельств. Она красивая, умная, окончила университет, у нее профессия... А кто я? Да никто. Рано или поздно это все равно должно случиться. Так пусть это произойдет сегодня, на широкой кровати этого блудливого офицера, чем на узкой общаговской койке с каким-нибудь автомехаником, от которого за версту несет машинным маслом, или с таксистом... Я не знаю, против чего бунтую и что со мной происходит. Возможно, это был обычный всплеск гормонов или напомнила о себе материнская кровь? (По словам одного человека, который знал мою мать, она была далеко не монахиней. Бедная моя мама, она даже не знала, от кого родила свою дочурку...)

Он поднялся, я оглянулась, чтобы убедиться, что меня никто в эту минуту не видит, и мы двинулись с ним в сторону аллеи, вдоль которой выстроились в ряд, как солдаты, дома военнослужащих. Наш интернат и военное училище, откуда вывалился тем вечером этот скучающий, под хмельком, офицер, разделяла лишь бетонная, выкрашенная в зефирный розовый цвет стена. Одни казармы, одни казармы...

Глава 6

Мы поднялись с ним в его квартиру, он сказал, чтобы я разулась, и даже дал мне домашние туфли, почти новые, голубые, наверняка своей жены (тапки для гостей обычно напоминают засохшие оладьи, плоские, затертые до дыр, цвета пыли). Я усмехнулась. Пригласил пройти в комнату, усадил в кресло и вдруг с неожиданным для меня проворством принялся накрывать на стол. Молча носился из кухни в комнату, аккуратно, с коротким стуком ставя на журнальный столик тарелки с закуской: нарезанную колбаску, красную рыбу, салаты в пластиковых коробочках, приборы... Последней на стол была водружена тяжелая и холодная, судя по запотевшему темно-зеленому стеклу, бутылка шампанского с замотанным серебряной фольгой горлом. Офицера звали Юрой. Когда стол был накрыт, он обошел кресло, на котором я сидела и тряслась от волнения так, что заболел живот, руками обхватил мою голову и, запрокинув, поцеловал прямо в губы. Затем еще и еще. Мне было неприятно. Его захват показался мне грубым, а руки необычайно сильными, такими руками можно свернуть шею, сорвать с головы скальп... Он немного озверел, этот Юра, лапая меня за плечи и пытаясь добраться до выреза блузки... И вот тут на меня навалился страх. Но не такой, как был с Мишей, нет, страх животный, до боли в гортани... Я вдруг подумала, что столько усилий

было потрачено этим офицером, чтобы накрыть на стол, что отказать ему сейчас означало бы быть распятой прямо здесь, в комнате, чуть ли не на полу, рядом с ножками журнального столика, причем грубо, зло, садистски... Я, к своему ужасу, представила себе это и вся подобралась, даже колени сдвинула и приподняла, пытаюсь обхватить их руками. Да и голову вжала в плечи. Меня заколотило. Оказалось, что я не была готова к тому, чтобы отдаться первому встречному. И что все те разговоры моих выдавших виды интернатских подружек о том, что все это легко и просто, что надо только настроиться на этого мужчину, расслабиться и, что называется, постараться получить удовольствие, не имеют ничего общего с тем, что испытывала сейчас я. Да, я настроилась, как мне показалось, на этого офицера, подумала о том, что у него, должно быть, нормальная семья, жена и взрослые дети, налаженный быт и кастрюля щей в холодильнике, но на деле все оказалось иначе. Меня тошнило от запаха из его рта, да и от всей его одежды (он успел переодеться и теперь был в рубашке и спортивных брюках), от его мерзких поцелуев и прикосновений грязных, как мне казалось, лап. И никакие силы на свете не смогли бы заставить меня расслабиться и получить удовольствие. Да и о каком удовольствии могла идти речь, когда мне хотелось тогда только одного – поесть и побыстрее смотаться оттуда. Голод – вот, оказывается, что удерживало меня там все то время, что он накрывал на стол. Наши меня поймут. Но поужинать с ним и сказать «чао, дя-

денька» означало быть неправильно понятой, а если и правильно понятой, то тем более быть либо оскорбленной, либо избитой или изнасилованной... Выбор небольшой. Поэтому надо было отказаться от ужина и сказать ему прямо, что я, мол, Юра, прошу у тебя прощения, но передумала, что я не могу, что в первый раз вот так пришла к незнакомому мужчине домой... Но кто мне поверит? Никто. Спрашивается, зачем шла? Чего хотела? В первый раз? А если к тому же попытаться объяснить ему, что у меня вообще ни разу еще не было мужчины, так и вовсе поднимет на смех, непременно выплюнет какую-нибудь гадость, схватит, заломит руки...

Поэтому я решила не опускаться до объяснений, просто встала, одернула юбку и направилась к двери. Но Юра опередил меня и перекрыл выход. Он смотрел на меня так, что я поняла – так просто от него не уйти... Его лицо порозовело, я знала, что совладать с собой он вряд ли сможет. Мне рассказывали наши девчонки о мужчинах: они заводятся до такой степени, что их не остановить, они света белого не видят, пока не удовлетворят свою похоть во что бы то ни стало, и такого скотского желания не может испытывать ни одна женщина, только мужчина, поэтому и случаются изнасилования... Я попалась. Сама во всем виновата. Или дождь, который навел на меня такую скуку. Ведь никакого определенного желания к этому мужчине я не испытывала, когда согласилась пойти с ним. Я смутно представляла себе, что произойдет между нами, когда я окажусь с ним наедине в пу-

стой квартире. Да, я допускала, что выпью с ним вина, и вино поможет мне расслабиться и захотеть его, ведь мне было уже семнадцать и я, пожалуй, единственная из всего нашего класса оставалась в определенной степени невинной, но одно дело представления, а другое – реальность. Откуда мне было знать, что его запах оттолкнет меня от него, а грубые прикосновения и варварские поцелуи напугают до смерти... Если бы он был гигиенически чист и нежен со мной, может, все обернулось бы по-другому...

– Ты куда? – спросил он меня, хватая за руку и больно сжимая ее. – Что случилось?

– Ничего, – прошептала я, немея от ужаса. – Просто мне не надо было сюда приходиться...

Я хотела бросить ему в лицо, что он мне противен, что от него воняет, что я не знала, как отвратительны в своем желании могут быть мужчины, но сдержала себя, боясь, что он ударит меня. Я это чувствовала...

И тут он меня обозвал. Он принял меня за шлюху, которая его, Юру, отвергла! Что-то ей не понравилось! И он разозлился. Он еще несколько раз повторил это паскудное, на слух похожее на плевок и оскорбительное для женщины слово, которое, судя по всему, заводило его, возбуждало, после чего рванул меня за руку, и я оказалась прямо в его руках...

Глава 7

Мне повезло, что напротив окна ее спальни было это кафе. Иначе откуда бы я смогла наблюдать за моей девочкой? Ее отец был итальянцем, я познакомилась с ним в Москве, провела с ним несколько ночей в маленькой гостинице, потом еще две ночи у его друзей в университетском общежитии, после чего он исчез из моей жизни надолго. И объявился совсем недавно, уже солидный итальянский господин, мафиози, как я назвала его без злости, располневший, но по-прежнему красивый, с блестящими серебряными волосами и с такой же седой, аккуратно подстриженной бородкой, в белом свободном свитере, черных вельветовых джинсах и светло-коричневых кожаных башмаках... Его глаза, черные и блестящие, как спелые маслины, смотрели на меня с удивлением и восхищением – он не мог поверить, что у меня от него есть дочь, ведь во времена нашего романа мне было всего пятнадцать. Он гораздо хуже говорил по-русски, чем раньше, но все равно мы понимали друг друга. Нас свели те же самые друзья в Москве, в квартире которых мы зачали Валентину и куда я приехала по своим делам, а он – чтобы повидать своего совсем уже обрусевшего брата Франко. Мы пили водку, закусывая лимоном, много курили, вспоминали прошлое, и вот тогда-то я и сказала, смеясь, что у меня есть дочь, но она воспитывалась в детском доме, а потом учи-

лась в интернате, и, так же смеясь, но только уже почти в истерике, я сказала ему, моему Паоло, что она – точная его копия, такая же красивая, немного смуглая, черноволосая и черноглазая, и что она ненавидит меня, не хочет видеть и всем говорит об этом, открыто... В комнате пахло лимонами. В высокое французское окно в квартире наших друзей врывался сырой весенний ветер, я рыдала на груди Паоло, а он просил у меня прощения, сказал, что хочет видеть свою дочь, что так нельзя, что я должна была сказать ему о рождении дочери, и он бы обязательно приехал, забрал нас в Италию... Как бы мне хотелось верить его словам, но я давно уже не верю мужчинам. Особенно Паоло. Он был слишком красив, слишком умен и слишком богат, чтобы жениться на русской пятнадцатилетней девушке, у которой живот размером с огромный спелый астраханский арбуз. Мои пальцы еще долго пахли лимонами, а Паоло целовал их, когда мы, уже в гостинице, где он снимал апартаменты, вспоминали наши безумные московские ночи тогда, восемнадцать лет назад, и где он, как близкому другу, рассказывал мне, что женат и у него трое детей, а я, лежа на его плече, рассказала ему о парне Александре, которого любила больше всех на свете, но которому так и не смогла родить ребенка... Паоло любил свою жену, итальянку Франческу, я любила Александра, но это не мешало нам провести еще пару дней в объятиях друг друга, возможно, это тоже была любовь, но обреченная на смерть... Расставаясь, уже в аэропорту, где

мы все провожали его, — он улетал в Рим, — Паоло повторил то, что уже сказал мне в гостинице, обнимая меня и крепко прижимая к себе: найди Валентину, расскажи ей все, пусть она поймет и простит, а потом я вызову вас к себе в Италию и покажу вам Венецию, Флоренцию... Я ответила ему, что появлюсь в ее жизни только тогда, когда пойму, что нужна ей, что она примет меня такую, какая я есть, что не хочу быть для нее просто биологической матерью... Не думаю, что он понял, что именно я хотела сказать. Больше того, в его глазах я вдруг прочла упрек, нежный упрек — ведь я бросила свою малышку...

Глава 8

Она так просила меня остаться, а мне так не хотелось уходить, что я согласилась. В какой-то момент я остро поняла, что мы нужны друг другу, что в жизни Евы наступила черная полоса, связанная с тем, что ее бросил мужчина и что ей просто необходимо, чтобы рядом с ней кто-то был, кто-то, кому еще хуже, чем ей... Или я ошибалась? Это нехорошо, когда ты испытываешь облегчение от того, что кому-то, кто находится рядом, еще хуже. Но это знала только я. А может, она почувствовала, что это не ей, а именно мне нужна была поддержка? Ева была так нежна и ласкова со мной, так заботилась обо мне, что я несколько раз находилась на грани того, чтобы признаться ей во всем, разрыдаться у нее на плече и рассказать всю правду про того офицера, которого я убила, и я бы, возможно, поведала ей обо всем, да только не было мне оправдания. Как бы я объяснила, зачем пошла к нему? Мне ведь не десять лет. Подвыпивший офицер приглашает девушку к себе домой. В шашки, что ли, играть? Заниматься тем, чем занимались с такими же скучающими офицерами и мои интернатовские подружки, кто за деньги, а те, кто постарше и поопытнее, ради удовольствия, развлечения. И я понимала это с самого начала. Но все равно пошла. Вот что было стыдно. Я и в милицию не позвонила, когда, очнувшись, поняла, что убила этого Юру. Хотя налицо было изна-

силование. Все произошло так быстро и грубо, что я даже не поняла, как оказалась на полу, – все то, что я себе представляла, вдруг стало реальностью. Я задышалась под тяжестью его тела, его колено, железное, острое и сильное, вонзилось между моих бедер, и не было никаких сил сомкнуть их, защититься. Обе его руки прижимали к полу мои руки, а потом, перехватив их одной рукой, пригвоздив ею мои кисти чуть повыше моей головы и сместив туда же центр тяжести, он свободной рукой стал снимать свои брюки... Движения его были настолько уверенными и отработанными, словно он занимался этим постоянно. Профессиональный насильник. Его лицо качалось над моим, а своим ртом он зажал мой рот, лишая меня возможности не то что кричать, даже дышать! Когда же я, извиваясь и пытаюсь вздохнуть, почувствовала, как он снимает с меня трусы, слезы покатались по щекам... Я попыталась укусить его за щеку, и тогда он, на какое-то мгновение освободив свою руку, ударил меня по лицу, после чего его рука вернулась вниз, сдирая с меня белье и раздвигая бедра... Острая саднящая боль заставила меня вскрикнуть, но я была полностью обездвижена – офицер, имя которого я к тому моменту уже забыла, молча насиловал меня на ковре в своей гостиной, тяжело дыша и хрипло постанывая, пока не исторг судорожный вопль и не замер, обливаясь потом...

Он встал, привел в порядок свою одежду и протянул мне руку, помогая подняться. Буркнул что-то вроде: «Не понял»,

пожал плечами, сел за стол и плеснул себе водки. Предложил мне. Я, ничего не соображая, выпила. Потом он все так же молча покормил меня с вилки, продолжая, вероятно, недоумевать по поводу моей неожиданной девственности. Я попыталась встать, но он сильно надавил мне на плечо и приказал сидеть. Я понимала, что он думает о последствиях, что он, возможно, испугался, как бы я не обратилась в милицию, я же, в свою очередь, думала о том, что он повредил что-то внутри меня, что покалечил, так все болело... Водка все же немного притупила боль, и тут он сказал:

– Не советую тебе жаловаться...

Угроза. И это вместо того, чтобы извиниться или, предположим, дать денег, как это делают многие мужчины, оказавшиеся в подобной ситуации! Другими словами – откупиться. Я проглотила несколько ложек салата, и меня тут же вывернуло... Возможно, другого мужчину это бы испугало и заставило все-таки увидеть во мне человека, нуждающегося в помощи, но только не этого негодяя. Да, он помог мне встать и дойти до ванной комнаты, где я попыталась смыть с себя слизь, которая еще несколько минут тому назад была салатом, но вместо того, чтобы дать мне возможность самой решить, куда идти и что делать, он взял меня за руку и повел за собой в спальню. Мое лицо, залитое слезами, мокрая блузка и затравленный взгляд вызвали в нем новое желание, и вот тогда я рванула от него по коридору в кухню, он за мной, оттуда в комнату, я уворачивалась от его длинных, цепких рук,

огрызалась, обзывала и оскорбляла всеми известными мне грязными словами и мечтала только об одном – поскорее добежать до выхода, успеть открыть дверь до того, как он снова схватит меня и повалит на пол... Минуты три мы носились с ним по квартире, сбивая предметы и ненавидя друг друга, пока я в очередной раз не влетела в комнату, больно ударившись об угол стола, схватила бутылку, развернулась и со всего размаху обрушила ее на голову преследователя... Он рухнул на пол, бутылка оставалась у меня в руке... И сразу стало тихо. Меня колотило, но все же, пока бутылка была в моих руках, я могла наклониться, чтобы понять, жив он или нет... Он не дышал. Я села с кресло, чтобы собраться с мыслями. Соседи. Если слышали мои крики, могли и сами вызвать милицию. Хотя, думаю, подобные сцены здесь происходили настолько часто, что окружающие могли к ним привыкнуть... Милиция. Да, конечно, меня изнасиловали, экспертиза подтвердит это, будет суд, и судить станут меня, потому что мой насильник мертв. Ему уже досталось по заслугам. И что выиграю я, позвонив в милицию? Меня спросят: зачем ты пришла сюда, детка? И что я отвечу? Пришла вот поздравить совершенно незнакомого мне мужика с днем его рождения? Да надо мной будет смеяться весь интернат! Я стану на много лет посмешищем! Да к тому же еще и убийцей! Адвокат со стороны жертвы докажет, что я спровоцировала изнасилование, да и вообще никакого изнасилования не было, я сама согласилась переспать с офицером...

Хотела позвонить Мише, но как представила его глаза, какими он посмотрит на меня, полуодетую, с распухшим лицом, с синяками на бедрах...

Я достала из кармана джинсовой куртки носовой платок и принялась вытирать отпечатки своих пальцев с бокала, дверной ручки, со всего, где могла оставить следы... Все казалось мне нереальным, я и двигалась медленно, как во сне... Не помню даже, как выходила из квартиры, обмотав ладонь все тем же платком... Вернулась в интернат, отправилась сразу в душ и целый час, едва стоя на ногах, намыливалась и терла себя жесткой мочалкой. Затем, закутавшись в халат, но все равно продолжая дрожать всем телом, послонялась по коридорам этажа, где располагались наши спальни, чтобы иметь возможность из окон понаблюдать за домом, где жил этот ублюдок и где я только что совершила убийство, – не покажется ли милицейская машина, не завоет ли сирена «Скорой помощи», после чего, поскуливая от боли во всем теле, улеглась в постель. В комнате я была совершенно одна – мои соседки по спальне, к счастью, в этот вечер смотрели телевизор в комнате отдыха, кажется, там шел «Основной инстинкт» с Шерон Стоун в главной роли... Теперь и я знала кое-что об этом основном инстинкте...

Глава 9

– Мне кажется, я понимаю, что с тобой происходит, – донеслось до меня, и я снова увидела перед собой нежное лицо Евы. – Думаю, это шок. Ты так много волновалась, сдавая экзамены, потом еще этот выпускной... А сейчас, когда все позади, у тебя идет реакция...

Я улыбнулась ей. Возможно, она права, и мне стоит до конца делать вид, что я озабочена своим теперешним положением и мне не дает покоя мое будущее. Будущее. Оно представлялось мне туманным лесом. Не знаю почему, но именно так я представляла себе то, что ожидает меня впереди.

– Валя, ты что-то говорила о том, что собираешься стать парикмахером. Это действительно так? – Она положила мне на тарелку еще одну порцию жаркого и, глядя, как я ем, счастливо улыбнулась. Я не ошиблась, это была не простая улыбка, Ева словно радовалась за меня, за мой аппетит, а может, ей как хозяйке стало просто приятно, что приготовленную ею еду кушают с таким удовольствием.

Я объяснила ей в двух словах, что хотела бы стать психологом, открыть свой кабинет и всю жизнь посвятить тому, чтобы помогать людям лучше понять самих себя.

– Как интересно! Это замечательно, что тебе в голову пришла такая мысль! – Казалось, она была очень удивлена. – Ты,

наверное, знаешь такого человека, и тебе хочется быть похожим на него, – предположила она и попала в самую точку. Теперь уже я удивилась.

– Да, все правильно. У нас в интернате работает Ирэна Михайловна, она психолог, ей можно рассказать все, и она поймет, а главное – у нее всегда есть время тебя выслушать. В кабинете у нее тихо, и там нас только двое. Я понимаю, конечно, что у нее, кроме меня и моих проблем, еще сотня таких же трудных подростков, да и дома муж, ребенок, но, когда приходишь к ней, думаешь, что она беспокоится лишь о тебе, задает вопросы, причем не дежурные, а те, которые имеют отношение именно к твоей проблеме, к тебе лично...

– Валя, у тебя были проблемы? И много? Ты извини, что я расспрашиваю...

– Проблема есть, и она в том, что я совершенно одна. У меня никого нет. Остальные проблемы вытекают именно из этой. Я не такая сильная, как другие девчонки. И когда чувствую, что зашла в тупик, что совсем плохо, что дальше идти некуда, даже воздуха не хватает, задыхаешься от жизни, душно в этих стенах и хочется бежать по коридору и кричать, кричать так, чтобы меня услышали, вот тогда я и прибегаю к ней, к Ирэне, и она, увидев меня, уже понимает, что со мной... Я бы очень хотела, чтобы она была моей матерью.

Ева опустила голову. Я поняла, что ей хотелось бы больше узнать обо мне, о моей жизни и, конечно, о моей матери. Это не тайна. Это не признание в убийстве. О своей матери я

могу рассказывать часами и все одними и теми же словами... Нехорошими словами.

— Я сказала тебе, что она отдала меня в детский дом, когда мне было три года. Это неправда. Это одна из легенд, потому что правды нет. Есть мама Маша, это моя воспитательница из детского дома, которая однажды рассказала мне, ребенку, знавшему, что у него нет родителей, что у меня есть мать. Это был шок. Я захлебывалась в слезах, так плакала. Но не помню, от радости или от того, что моя мама, оказывается, бросила меня. Нет, таких слов мама Маша не говорила, она просто сказала, что моя мама была молодая и глупая, что у нее не было денег, чтобы покупать мне пальто и конфеты, и что она, желая мне лишь добра, отдала меня в детский дом. Я потом несколько месяцев провела возле ворот, встречая маму. Как только выдавалось свободное время, бежала к воротам и стояла, смотрела на дорогу... Мама Маша плакала, когда видела меня у ворот. Думаю, она поняла, что совершила ошибку. Стала объяснять мне, что мама далеко, в другом городе, и что она не может приехать. Я не понимала, почему взрослая мама не может приехать, чтобы забрать свою дочь из интерната...

Ева слушала, и по щекам ее катились слезы. Она жалела меня, Ева. А я была счастлива, что могу поговорить с ней о моей матери.

Глава 10

Она рассказывала о своей матери так, словно знала, кто я, и делала это намеренно, раня меня каждым словом, убивая на месте... Удивительно, как иногда складываются жизненные обстоятельства и как сталкивает судьба мать и дочь, и дочь не понимает, почему ее тянет к этой женщине, которую она уже начинает считать своей подругой. Я была для нее просто Евой, девушкой из другой, более благополучной среды, куда ей, казалось, нет доступа, если только она, конечно, не совет свое гнездо для своих детей и где будет все так, как не было у нее, просто не могло быть. Глядя на нее, заплаканную и расстроенную тем, что она никогда не сможет воплотить свою мечту в жизнь, никогда не поступит в университет и не выучится на психолога, потому что это очень дорого, я не могла, не имела права разубедить ее в этом, дать ей денег и сказать: вот, Валя, смотри на меня, я твоя мама, та самая мама, которая в течение семнадцати лет не навещала тебя, у которой была своя жизнь, где не нашлось места маленькой девочке, и не надо злиться на нее за это, потому что ты ничего не знаешь о ней, обо мне, но я дам тебе денег, я помогу тебе поступить в университет, я дам тебе дом, которого у тебя не было, я даже могу снова уйти из твоей жизни, если тебе неприятно видеть меня, но только постарайся простить меня, я была

молода, я ничего не понимала в жизни, и, оставляя тебя в детском доме, я думала, что поступаю правильно, что это единственное решение...

Да, я могла бы так сказать ей, но боялась. Не верила, что ей, в ее семнадцать лет, которые она прожила сиротой, может понадобиться та самая мать, которую она в душе ненавидела и презирала. Я также хотела дать ей и денег, и кров, это так, вот только вместо матери мечтала стать ей подругой, на всю жизнь. Мне было важно, чтобы она увидела во мне прежде всего человека и чтобы она нуждалась во мне, чтобы полюбила меня. Одними разговорами на душещипательные темы здесь было не обойтись. Я собиралась предложить ей, моей неискушенной девочке, нечто другое, невиданное, оригинальное и очень действенное, как мне тогда казалось, — большое путешествие, о котором она и мечтать не могла, странствие долгое, нелегкое и непонятное для моей маленькой дочери, но которое бы помогло ей лучше понять жизнь и, конечно, сблизило бы нас...

Кто бы мог подумать, что мое желание вернуть себе дочь обернется для меня страшной трагедией. Я ждала, ждала, когда же она наконец признается мне, что хочет увидеть свою мать. Только этот мощный стимул мог бы заставить ее принять мое предложение отправиться в далекие края на поиски ее матери, и только так я смогла бы, не выпуская руки своей дочери, добраться до того, кто предал меня и втоптал в грязь мою последнюю любовь... И еще

— я поклялась, что сделаю все возможное, чтобы она, в конечном итоге, никогда, никогда в жизни не поняла, зачем же мы тем летом полетели в Стамбул...

Глава 11

Я, рассказывая Еве о своей матери, вдруг поймала себя на том, что пересказываю ей те мрачные легенды и криминальные истории из жизни моей ветреной мамы, которые, как мне думается, я сочиняла на протяжении всего своего сиротливого детства сама. Теперь же, вросшие в мою восприимчивую память, они показались мне вполне реальными, даже в какой-то степени завидными, похожими на триллеры или веселые гангстерские истории. Суть всех этих историй сводилась к одному: моя мать, родив меня от первого встречного и бросив дочку еще в родильном доме, связалась с бандитами и оказалась замешанной в разного рода преступлениях: наркотики, убийства, ограбления... Вовремя опомнившись, она завязывает с преступным миром, встречает нормально-го парня, выходит за него замуж и теперь живет в Москве, у нее двое или трое детей, кажется, она работает кассиром в метрополитене, а ее муж водителем троллейбуса.

– Откуда у тебя такая информация? – удивилась Ева. Глаза ее блестят, она как-то странно улыбается, словно не веря мне. А мне и самой смешно, потому что я и понятия не имею, откуда мне все это известно. Уж точно не мама Маша мне рассказала. Но я наверняка знаю одно – мама Маша поддерживает связь с моей настоящей матерью и следит за мной с момента моего рождения, и это она настояла, чтобы

я, еще малюткой, оказалась именно в том детском доме, где работает она сама. Значит, мама Маша и моя мать знают друг друга давно, много лет.

– Хочешь сказать, что мама Маша, как ты называешь свою воспитательницу, знает, где сейчас находится твоя мать? – спрашивает меня Ева. Она заинтригована, а я – напугана. Я бы давно уже встретилась с мамой Машей, и расспросила бы хорошенько о моей матери, и вызнала бы ее адрес, но почему-то до сих пор не сделала это.

– Боишься? – Ева смотрит мне в глаза. – Боишься встретиться с матерью и разочароваться?

– Боюсь, что не выдержу и наброшусь на нее, что стану обвинять ее во всех смертных грехах, ты же понимаешь меня? А ведь я о ней ничего не знаю, а то, что рассказала, – винегрет из тех рассказов о матерях, которых наслушалась в течение своей сиротской жизни. У нас у всех плохие матери, иначе мы бы не оказались там, где оказались, вот мы и придумывали им разные истории. А потом у меня в голове все перемешалось, и я уже не знаю, где правда, а где – нет. Но мама Маша не могла рассказать мне о матери ничего плохого, она не такая, а если бы и было что, ну, там, преступление какое, она тем более ничего не рассказала бы. У нее рот всегда на замке. Она умеет хранить чужие тайны. Я знаю только, что мать живет в Москве.

– Почему ты боишься встретиться с ней?

– Какая ты непонятливая! – вскипаю я. – Говорю же, мо-

гу не выдержать и оскорбить ее, понимаешь? Кроме того, у нее своя семья, дети, наверное, уже взрослые, школу заканчивают... И тут я приезжаю, она открывает дверь, а я говорю ей: «Привет, мамаша, не ждала? Мне нужны деньги на университет, да и квартиру бы не помешало, а то мне жить негде». Она покажет мне документы, где черным по белому написано, что у нее никогда не было детей, и скажет, что я ошиблась, мне дали неверные сведения... Я вижу все это во сне регулярно, понимаешь? Что я никому не нужна, что мне указывают на дверь. Не уверена, что Ирэна поможет мне потом вынырнуть из той черной трясины, куда утянет меня эта поездка...

– А что, если она обрадуется встрече с тобой, что, если она живет одна, без мужа, без детей, больная, к примеру... Нуждается сильно в тебе, но тоже, как и ты, боится приехать за тобой, ей стыдно...

– Но это же она сама бросила меня, вот и хорошо, что стыдно! – восклицаю я. – Мама Маша сказала, что она даже не знает, кто мой отец...

– Это твоя воспитательница не знает, кто твой отец, а женщина всегда знает, от кого рождает... – заметила Ева.

– Ну, не знаю... у меня и денег-то нет на поездку, и остановиться там негде...

Я посмотрела на Еву и вдруг поняла, что за этим последует. Я услышала слова, которые она собиралась произнести, еще раньше, чем они были сказаны, я даже испугалась этого

своего чувства.

– Я могу поехать с тобой в Москву. Ты только узнай адрес своей матери. У меня там и остановиться есть где. И деньги мы найдем. Кроме того, я должна тебе за ту небольшую услугу, которую ты мне оказала.

– Поехать со мной можешь, я согласна, но брать у тебя деньги ни за что не буду, даже не проси. Я могла бы их заработать.

Ева покраснела, мне показалось, что я ее обидела. Но чем? Тем, что отказалась взять деньги за маленькую услугу, которая ничего не стоит?

– Валя, – сказала наконец она, – помнишь, ты спросила меня, опасно ли то, что ты собираешься сделать? Пахнет ли это криминалом... Так вот, я обманула тебя. Это было опасно. Очень опасно. Я втянула тебя в историю, понимаешь? А за риск полагается платить. Десять процентов – нормальная плата. Это две тысячи евро. Неплохие деньги для начала.

– Значит, часы и вправду краденые... – вздохнула я, но образ Евы после того, что я услышала, не потускнел, а наоборот, она показалась мне еще более таинственной и невероятной притягательной. Это же не она украла, наверняка ее втянули в это дело, а она не смогла отказаться, потому что тот парень, в которого она была влюблена и который так и не появился, подлый, в кафе в половине четвертого, тоже был из этих сомнительных и скользких типов, что так нравятся женщинам.

– Да, часы краденые. – Она кивнула головой, но взгляда не отвела. – Я же говорила тебе, что это длинная история. Но деньги принадлежат мне, это мой процент за услугу, которую я оказала в свое время одному очень состоятельному господину...

– Он был влюблен в тебя?

– Скажем так, я работала у него, – мягко поправила она меня.

– Кем?

– Помогала ему в его бизнесе. Но ты не пугайся, это не то, что ты подумала. Просто он брал меня с собой для переговоров, мы ездили с ним много, я и переводила, и занималась его документацией...

– И где он сейчас?

– Думаю, в Швейцарии. Лечится. Большой бизнес требует здоровья...

Ева принесла деньги и положила на стол передо мной.

– Вот. И больше не будем возвращаться к этому разговору.

Я понимала, что и меня втягивают в какое-то дело, и последний раз убедилась в том, что моя встреча с Евой в кафе не случайна и что все-таки не я, а она заметила меня и приблизила к себе. Каждый ее шаг был обдуманным, и ее присутствие на выпускном – только часть плана. При других обстоятельствах я бы постаралась исчезнуть, отказаться от каких бы то ни было отношений с Евой, потому что понимала, что-то здесь не чисто, но судьба словно сама послала мне ее,

чтобы я с ее помощью смогла уехать из этого города и сделать так, чтобы меня потом долго искали...

– Ты не представляешь себе, как я была бы счастлива, если бы кто-нибудь поехал со мной в Москву повидать мою мать. Иногда мне кажется, что как я выдумала эти дурацкие истории про нее, так и ее саму выдумала... Может, у меня никогда и не было матери? Не знаю...

– В принципе, мы могли бы отправиться туда немедленно, а чего тянуть-то? Мне, честно говоря, и самой интересно уже взглянуть на твою мамашу и, если ты только разрешишь, конечно, поговорить с ней по душам... Это ты не сможешь разговаривать с ней начистоту, ты онемеешь, как только увидишь ее, у тебя, возможно, будет шок, а мне-то чего терять? Объясню ей все как положено, что, мол, нельзя, мамуля, бросаться маленькими девочками...

– И то правда, – согласилась я. – Говоришь, можем отправляться туда хоть сегодня? Подожди... Но я же не знаю ее адреса. Сначала надо бы повидаться с мамой Машей. Я могу поехать одна, но если ты не против, то можешь составить мне компанию. Она живет в двадцати километрах от города, у нее свой дом, огород там, сад, клубника сейчас пошла... Она хорошая, вот увидишь, тебе понравится. А главное – добрая.

– А позвонить ей никак нельзя?

– Я не могу с ней так... по телефону. Кроме того, мне все равно надо ее повидать, ведь я же все-таки окончила школу, понимаешь? Куплю коробку конфет, цветы... Хотя нет,

у нее у самой цветов целая клумба... Куплю ей конфет, может, еще что-нибудь в подарок, духи какие, она знаешь как обрадуется?!

Я подумала в эту минуту, что мой визит к маме Маше, по сути моей крестной, может быть последним, прощальным. Ведь рано или поздно меня все равно вычислят, найдут, арестуют и посадят за убийство. Маме Маше надо не конфеты дарить, а что-нибудь такое, что останется на память.

– Скатерть, – произнесла я вслух.

– Скатерть или покрывало, – поддержала меня Ева. Слыша ее голос, мне хотелось плакать от счастья, что я хотя бы сейчас не одна, что у меня есть такая добрая и умная подруга. Надолго ли?

Мы быстро собрались и поехали. Прямо рядом с домом в супермаркете купили красивое, в розах, покрывало, комплект итальянских зеленых полотенец с вышивкой, бутылку с оливковым маслом, коробку коллекционного английского чая, шоколад и... упаковку хорошего стирального порошка.

– Все функционально, разумно и по-женски, – так, к моей величайшей радости, оценила Ева наши покупки, и это вместо того, чтобы, как я предполагала, удивляться некоторым моим идеям относительно выбора подарков. Слушая ее, у меня от счастья кружилась голова. Ведь у меня теперь имелись деньги, которые я могла потратить на подарки тем, кого я любила, а таких было очень мало...

Мы погрузили все это в багажник такси и поехали в Кле-

щевку – деревню, где жила мама Маша.

Глава 12

Не знала, что буду так нервничать, когда увижу знакомый палисадник с цветущими пышными пионами, голубые ворота, окна с веселыми белыми наличниками, расписанными синими тюльпанами, пыльный куст сирени и цветущий душистый жасмин... Валя называла ее мамой Машей, для меня же она была просто Машей, близкой подругой, моим поводырем по жизни, моей совестью... Маша знала обо мне многое и, как правильно заметила моя дочь, умела держать язык за зубами. Слушая, однако, Валентинины дичайшие легенды о себе, я не знала – плакать мне или смеяться?! Что за нелепые истории о матери-преступнице? О матери, по которой плачет тюрьма...

Думаю, и Маша, увидев нас вместе, испытала шок, хотя и была предупреждена о нашем визите задолго до этого дня. Она не разделяла моего желания войти в жизнь моей дочери путем обмана. Для того чтобы уломать ее быть моей соучастницей, мне потребовалось немало времени и сил. Маша – человек прямой, открытый, если не сказать ограниченный. Круглая, мягкая, как сдобная булка, с мелкими и невыразительными чертами лица, с негромким и тоже каким-то сдобным голосом, одевавшаяся во все светлое, в цветах, кружевах и щедро украшавшая себя бусами, брошками, сережками и браслетами из раскрашенных семян, орехов и

ракушек, она всегда встречала меня, как и подобает человеку ее склада, с радостью на лице, однако последний раз приняла меня сдержанно, как если бы чувствовала, что приехала я к ней не просто повидаться, что у меня к ней не совсем обычное предложение. Она молча наблюдала, как я достаю из сумки подарки и раскладываю на столе – теплую розовую шаль, прекрасное издание ее любимого романа «Джен Эйр», кусок апельсиновой и еще холодной, только что со льда, семги, коробку с бисквитами – и уже тогда начала нервничать.

– Послушай, что случилось? Что тебе от меня надо? Я же и так показала тебе дочь, ты обещала мне ее не тревожить... Оставь девочку в покое. Пусть она прокладывает себе дорогу самостоятельно, чтобы ей некого было потом упрекать...

– Тебе повезло, твоя мать оставила тебе этот дом с огородом и садом, а после отца тебе досталась квартира в городе, которую ты сдаешь за двести долларов, ты этим и живешь, а что есть у моей девочки?

– У нее есть молодость, здоровье и выбор. – Маша поджала губы. Глаза ее, маленькие, серые, не отрываясь смотрели на розовую шаль. На веранде было солнечно, на подоконниках стояли горшки с цветущей огненно-красной геранью и рододендронами, а прямо рядом с Машинными ногами, обутыми в уютные желтые тапочки, на апельсиновом свежескрашенном полу разлегся огромный рыжий кот с черным противоблошиным ошейником. Он жмурился на солн-

це и принюхивался к рыбному запаху... – Хочешь все-таки, чтобы я познакомила вас, или сама?..

– Ты не поняла... – И я принялась разъяснять моей трудной подруге, каким образом я хочу познакомиться с моей дочерью.

– Ева, я понимаю, ты баба красивая, за собой следишь, да и природа тебя не обидела, морицин вон почти нет, кремами разными дорогими пользуешься – денег-то куры не клюют, но не думаю, что Валька поверит, будто тебе двадцать пять.

Я приблизила к ней свое лицо, зная, что при всем желании она все равно не отыщет на нем приметы тридцатитрехлетней женщины, с матовой кожей, безукоризненное, с нежным румянцем на щеках, и поняла, что Машика, моя ровесница, выглядевшая много старше своего возраста, завидует мне, и ей очень трудно это скрывать. Она злится на меня за то, что я, такая непутевая, безалаберная, легкомысленная особа, которая при моем-то образе жизни должна выглядеть как драная кошка, на самом деле смотрюсь лет на десять моложе, да и здоровье у меня – позавидовать можно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.